

Хомякова О.Р.

**Между Сциллой революции и Харибдой религии:
конфликт в произведении искусства**

В массовом сознании революционные и религиозные идеи противопоставляются как идеи насильственного разрушения и преобразования («Весь мир насилья мы разрушим до основанья ...») или смиренного приятия мира, каким бы несправедливым он ни казался. Мы полагаем, что такое противопоставление весьма неточно, что и попытаемся показать.

Революционный полюс обычно ассоциируется с Марксом: жизнь есть борьба. Причем для основоположника марксизма не только предполагаемый результат, но сам процесс борьбы является идеальным выражением подлинно человеческого способа бытия. Эта идеализация борца и состояния борьбы классически реализована основоположником литературы социалистического реализма. М. Горький воспевает жажду бури (борьбы), противопоставляя своего смелого Буревестника трусливым и малодушным гагарам, которым «недоступно наслаждение битвой жизни», или «глупому пингвину», который «робко прячет тело жирное в утесах».

Поэт – гражданин живет не для себя. «Не для себя я в этом мире жил, / И людям жизнь я щедро раздарил...», - признается В.Ф.Раевский, «первый декабрист», арестованный почти за четыре года до восстания. В своих «Думах» К.Ф. Рылеев воспевает подвиги Олега, Святослава, Мстислава Удалого, Дмитрия Донского, Ермака, Якова Долгорукова, Ивана Сусанина, Богдана Хмельницкого, боровшихся за национальную независимость отчизны. Рылеев уверен, что «раскаются» юноши, оказавшиеся в стороне от предстоящего «бурного мятежа» «за угнетенную свободу человека». Уход в себя вызывает обвинения в эгоизме, недомыслии («своей не разгадав судьбы»), или пугает. «Как страшно самому с самим», - признается Ф. Глинка. Как проницательно замечает М.О. Гершензон, «тип декабриста – это прежде всего тип человека внутренне совершенно

цельного, с ясным, законченным, определенным психическим складом, - человека, которому внутри себя нечего делать и который поэтому весь обращен наружу» (1, с. 5).

Для революционера нет иной жизни, помимо земной, потому он мечтает о создании земного рая, о достижении идеала на земле. Борьба за идеал для него священна. Идеализируется и человек, готовый на конфликт во имя высоких целей. Идеализация распространяется и на сам конфликт, требующий мобилизации всех духовных сил его участников, мужества, героизма, ума и воли.

Такие современники декабристов, как, например, Н.М.Карамзин или В.А.Жуковский, создают тип человека, ориентирующийся не на переустройство мира, но на духовное самоустройство. «Все для души», - писал Н.М. Карамзин. Сходно высказывался В.А.Жуковский: «Бог и душа – вот два существа; все прочее – печатное объявление, приклеенное на минуту» (запись в дневнике 1821 г.). Не изменчивые внешние обстоятельства, а неизменное следование высокому духовному образцу составляет истинную ценность человеческой жизни:

При мысли великой, что я человек,

Всегда возвышаюсь душою

«Теон и Эхин»

Революционер борется с внешними врагами. Верующий ведет так называемую «невидимую брань», борьбу со своими пороками, а также внешними соблазнами и искушениями, вводящими человека в грех. Тот, кто полагает основой жизни отказ от собственной воли и молитвенное предание себя воле Божией, решается на внешний конфликт только в исключительных случаях, когда не сомневается, что «Бога глас к нему возвал». В пушкинском «Пророке» условием необходимости конфликтного действия («Глаголом жги сердца людей») является отрешение от собственного видения, субъективного переживания, своекорыстного желания и подчинение Высшей воле («Проникнись волею моей»). Весь текст стихотворения представляет собой описание внутреннего преобразования человеческой природы и только последняя строка содержит

призыв к действию, направленному вовне. В целом же истинно верующий человек, подобно князю Мышкину в романе Достоевского «Идиот», просто не замечает возможности житейского конфликта, порождаемого гордостью, себялюбием, своекорыстием, и проходит мимо конфликтных ситуаций, движимый смирением и любовью, любящий человека и в грехе его. В Мышкине автор поэтизирует тот тип отношений между людьми, который можно было определить словами Павла Флоренского как «бесконечную друг перед другом покорность». Устами старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы» излагается итог многолетних размышлений Достоевского о тайне христианской любви, исключающей возможность житейского конфликта: «Братья, не бойтесь греха людей, любите человека во грехе его, ибо сие уже подобие Божеской любви и есть верх любви на земле (...) Пред иною мыслью встанешь в недоумении, особенно видя грех людей, и спросишь себя: «Взять ли силою али смиренной любовью?» Решишься так навсегда, и весь мир покорить сможешь. Смиренная любовь – страшная сила, изо всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего». Не конфликт, а смиренную любовь считает герой Достоевского «страшной силой», делающей возможным истинное решение проблемы.

Отношение к житейским благам как к второстепенным для человека, постигшего истинные ценности, делает конфликт во имя земных кумиров проявлением суетности и маловерия. Претензии на «разумное» переустройство мира религиозной этикой осуждаются как проявление гордости и самомнения. Конфликт оправдан в той мере, в какой он способствует преодолению не чужой, но собственной греховности. В классическом труде «Невидимая брань» (2), составленном старцем Никодимом Святогорцем, утверждается необходимость и неизбежность внутреннего конфликта, невидимой брани для сохранения в человеке его высшего божественного начала, которое неизбежно должно вступать в борьбу с греховной земной природой, испорченной первородным грехом. «Жизнь без внутренней борьбы с собой, то есть жизнь духовно пассивная (Мф. 7,

21) или текущая по наклонному руслу удовлетворения страстей плоти и духа, приводит человека к окончательному рабству греху...» (3, с. 99).

Таким образом, принципиальное различие между революционной и религиозной идеологией состоит не в утверждении или отрицании конфликта, а в доминировании определенного типа конфликта (внешний – внутренний), в корреляции конфликта и идеала. В революционном сознании конфликт (борьба с угнетателями народа) входит в состав идеала. В религиозном сознании наличие конфликта (невидимой брани) – знак удаления от идеала, но и средство для достижения идеала, недопустимое, немислимое в его составе.

Идейное содержание и поэтика произведения искусства, осознает это писатель или нет, во многом определяется именно корреляцией конфликта и идеала, приближающей художника к одному из обозначенных в названии статьи полюсов.

Литература

1. Гершензон М.О. История молодой России. М.; Пг., 1923.
2. Невидимая брань. Л., 1991.
3. Осипов А.И. Основное богословие. М, 1994.